

Как бы Ло Цюмин и Чжан Мяомяо ни гадали, они никак не ожидали, что речь пойдёт об убийстве.

Они думали об уклонении от налогов, думали о наркотиках, думали о каких-нибудь сделках сексуального характера, но об убийстве — ни разу.

Это ведь убийство!

Супруги Ло долго приходили в себя и наконец растерянно спросили:

— Что вообще произошло? Если он правда убил человека, то почему полиция... почему полиция его не забрала?

Цзян Чэнъи холодно усмехнулся, и чашка в его руке тяжело стукнула о стол.

— Потому что все помогли ему скрыть, что он случайно столкнул человека с лестницы. Все как один твердили, что погибшая сама упала по неосторожности.

Если все его покрывали, то даже если у полиции были сомнения, как они могли арестовать человека без достаточных доказательств?

Услышав, что погибшая разбилась насмерть, Чжан Мяомяо мгновенно поняла, о ком идёт речь.

— Лао Ло... — Её лицо на миг побледнело. — Помнишь, Цзи Гунъян тогда говорил, что его жена случайно упала с лестницы и погибли сразу двое — она и ребёнок?

Когда об этом стало известно, все в их кругу сочувствовали Цзи Гунъяну: ведь это был ребёнок, которого он с таким трудом ждал.

Тогда они с Ло Цюмином даже чувствовали к нему жалость — почти как к человеку с той же болью.

А вскоре после этого Цзи Гунъян усыновил ребёнка и больше так и не женился.

Но если судить по тому, что теперь известно... раз этот человек может убить и даже не испытывать вины, разве он правда такой любящий и добрый, что пошёл бы усыновлять ребёнка?

Цзян Чэнъи подпёр подбородок одной рукой и терпеливо ждал решения супругов.

На лице Ло Цюмина проступило глубокое отвращение. Больше всего он ненавидел мужчин,

которые плохо обращаются с собственными жёнами.

— Подать заявление мы можем, без проблем. Только если нет доказательств, его ведь трудно будет осудить? Тело, кажется, уже кремировали.

Цзян Чэньи достал из-под одежды маленькие золотые счёты, превратил их в обычные золотые счёты и щёлкнул костяшкой:

— Супермаркет, обмен на одну видеозапись.

После того как костяшки счётов обнулились, на столе появилась карта памяти.

— Передайте это полиции. Там запись того, как он случайно столкнул человека с лестницы. Этого видео достаточно, чтобы опровергнуть прежние показания тех людей.

Супруги уже не впервые видели, как проходит сделка, но им и в голову не приходило, что Цзян Чэньи сам может заключать сделки с супермаркетом.

Ло Цюмин взял карту памяти и снова спросил:

— А умышленное причинение вреда?

Цзян Чэньи ненадолго замолчал и с трудом вздохнул:

— На видео тоже есть. По нынешним меркам это называют домашним насилием. Но... по моему, это именно умышленное причинение вреда.

Домашнее насилие...

В глазах Ло Цюмина едва не вспыхнул огонь.

— Вот же ничтожество! — Все и правда обманулись его добродушным, милосердным видом!

Чжан Мяомяо посмотрела на карту памяти и слегка нахмурилась. Ей пришёл в голову один вопрос:

— А если полиция спросит Лао Ло, откуда у него карта памяти? Что нам отвечать?

В глазах Цзян Чэньи мелькнул острый блеск:

— Скажите, что кто-то положил её у ворот. А кто именно — стойте на том, что не знаете.

С картой памяти полиция поймёт: те люди давали ложные показания. Значит, у них появятся основания обыскать их дома.

И тогда они найдут ещё больше доказательств.

Цзи Гунъян и те так называемые родственники, которые за деньги скрыли смерть женщины, — никто из них не уйдёт от закона.

Ло Цюмин и Чжан Мяомяо глубоко вдохнули. Если полностью передать это дело им, заслуга за заявление достанется именно им.

— Ты правда не пойдёшь? — Лао Ло всё ещё немного тревожился.

Цзян Чэнъи покачал головой:

— Не пойду. Не хочу привлекать внимание полиции. — Это слишком хлопотно!

Ладно уж...

Ло Цюмин беспомощно посмотрел на него.

На следующее утро, когда двое других ещё не проснулись, Ло Цюмин уже отправился в полицейский участок.

А Цзян Чэнъи и Чжан Мяомяо сидели во дворе и терпеливо ждали, когда к ним придут.

Около десяти утра в ворота постучали.

Домработница привела гостя. Как и ожидалось, это была Хуан Цзюэ.

В её взгляде больше не было вчерашней растерянности и страха; напротив, в нём появилось какое-то освобождение.

Увидев Чжан Мяомяо, она поставила перед ней приготовленный подарок:

— Это местные продукты, которые я купила у людей в деревне. Всё натуральное, без добавок, беременным тоже можно.

— Когда закончу съёмки шоу, приду к тебе с ещё одним подарком.

Чувства у Чжан Мяомяо сейчас были сложные. Но, увидев глаза Хуан Цзюэ — светлые, будто небо после дождя, — она всё же не удержалась и сказала:

— Главное, расскажи всё ясно. Чем смогу — помогу.

Хуан Цзюэ кивнула. Она знала: это её последний шанс.

— Мою младшую сестру потеряла я.

Увидев потрясение в глазах Чжан Мяомяо, она горько улыбнулась и медленно заговорила о том, что случилось в детстве:

— Тогда мне только исполнилось восемь. Мы с папой и младшей сестрой пошли в парк аттракционов.

— Я тогда капризничала и во что бы то ни стало хотела раскрашивать гипсовые фигурки. Сестра сидела рядом со мной. А потом папе позвонили, и он отошёл на время, перед этим велел мне присматривать за сестрой. Но я слишком увлеклась и не заметила, когда её унесли. Когда папа вернулся... сестры уже не было.

К концу рассказа лицо Хуан Цзюэ было всё в слезах.

— Это всё моя вина. Если бы я не упустила сестру, её бы не увели. Это всё моя вина!

Она мучительно закрыла лицо руками и тихо заплакала, поэтому не увидела, как двое напротив слегка нахмурились.

Чжан Мяомяо почувствовала: здесь что-то странно. Из слов Хуан Цзюэ выходило: да, на ней действительно была ответственность, ведь она правда не уследила за сестрой.

Но Хуан Цзюэ тогда было всего восемь. Как восьмилетний ребёнок мог присматривать за другим ребёнком, ещё младше?

И чем больше Чжан Мяомяо думала, тем сильнее её смущало другое.

Если младшую сестру увели торговцы людьми, почему сама Хуан Цзюэ осталась цела?

Не то чтобы она хотела злонамеренно подозревать Хуан Цзюэ, просто с точки зрения выгоды её рассказ не очень сходил с логикой.

К тому же... у каких родителей вообще хватает ума оставить восьмилетнего ребёнка присматривать за ещё более маленьким ребёнком?

Цзян Чэнъи сидел с опущенной головой и легко постукивал пальцами по столу.

Спустя некоторое время Хуан Цзюэ тоже успокоилась и продолжила:

— Я раньше всё время не решалась рассказать, потому что боялась: все будут обвинять меня. Даже если это вышло случайно... ошибка уже совершена.

Она избегала этого, но чувство вины никуда не девалось. Особенно когда все хвалили её за глубокую сестринскую привязанность, внутри у неё становилось ещё тяжелее.

И именно в этот момент Цзян Чэнъи поднял голову. Его ясные глаза смотрели прямо на Хуан Цзюэ.

Он задал второй вопрос:

— После того как это случилось, родители всё время ругали тебя, верно? С самого детства и до сих пор?

Хуан Цзюэ закрыла глаза и мучительно кивнула.

— Найди время и отведи меня к своим родителям.

Хуан Цзюэ вздрогнула всем телом и машинально спросила:

— Зачем?

Почему он вдруг хочет увидеть её родителей?

Чжан Мяомяо тоже не понимала. Разве сейчас самое важное — не найти младшую сестру?

Встретив их непонимающие взгляды, Цзян Чэнъи вдруг улыбнулся:

— Тебе столько лет промывали мозги родители, что ты уже забыла? Я тебя спрашиваю: если бы твою сестру уводил незнакомец, она правда не издала бы ни звука?

Дыхание Хуан Цзюэ резко оборвалось. За эти годы она видела немало случаев похищения детей и знала: иногда на детей поднимают руку именно знакомые.

— Я... — В голове у неё стало пусто, она почти не могла говорить и только тяжело, хрипло дышала. — Я не знаю... я правда не знаю...

Её сердце наполнилось страхом.

Если это сделал кто-то знакомый, то кто именно?

Чжан Мяомяо тоже опустила голову и стала обдумывать слова Цзян Чэнъи. Потом вдруг подняла взгляд и с невероятным ужасом посмотрела на него.

Только что у неё в голове возникла очень страшная догадка.

— Послушай меня. Сначала отведи меня к своим родителям. Только после этого твоя младшая сестра вернётся целой и невредимой.

Сказал он это очень странно, но Хуан Цзюэ всё ещё была в полном смятении и совершенно не стала вдумываться.

Только Чжан Мяомяо испугалась ещё сильнее.

Проводив Хуан Цзюэ, она ещё долго сидела на месте, не приходя в себя, и наконец тихо спросила:

— Того ребёнка увёл... неужели её отец?

Это ведь был всего лишь телефонный звонок. Зачем нужно было уходить?

Почему, когда сестру уводили, она не издала ни звука?

Почему он сам тоже был виноват — причём сильнее всех, — но свалил вину на восьмилетнего ребёнка?

Почему столько лет прошло, а Хуан Цзюэ готова искать сестру любой ценой, но эти родители до сих пор её обвиняют?

Ей очень хотелось получить ответ и успокоить тревогу, но сейчас Цзян Чэнъи хранил молчание.

Не потому, что не хотел говорить, а потому что...

— О некоторых вещах нельзя судить только по одной стороне. Мне нужно проверить с разных сторон.

— Если это дело не обработать как следует, я боюсь, что младшая сестра пострадает. Возможно, не умрёт, а возможно — умрёт. Я не хочу так рисковать.

Когда дело касается человеческой жизни, лучше действовать осторожнее.

Чжан Мяомяо изнутри сгорала от любопытства, но, вспомнив слова Цзян Чэнъи, смогла только заставить себя терпеливо ждать новостей.

К счастью, Хуан Цзюэ вскоре ответила:

— Послезавтра у меня заканчиваются съёмки. Вы тогда поедете со мной?

Её родители жили в провинции Хуэйнань, почти в тысяче километров отсюда.

Цзян Чэнъи, конечно, согласился.

С другой стороны, Ло Цюмин тоже вернулся и принёс новости из полиции.

— С таким вещественным доказательством, как видео, Цзи Гунъяну конец. И тем, кто помогал ему скрывать правду, тоже конец.

Он посмотрел на жену:

— Они действительно спросили, откуда у меня карта памяти. Я ответил так, как мы договорились, но... не факт, что они поверили.

Поскольку заявление было подано не анонимно, Цзи Гунъян, скорее всего, очень скоро об этом узнает.

Возможно, даже весь развлекательный круг узнает, что именно он заявил на Цзи Гунъяна. Может, некоторые из-за этого начнут держаться от него подальше, но супругам Ло и Чжан было всё равно.

Если кто-то станет отдаляться от них из-за этого, разве это не значит, что у самих этих людей совесть нечиста? Таким людям изначально было с ними не по пути, так что какая разница, отдалятся они или нет?

Увидев, что супруги не только не расстроены, но даже выглядят гордыми и довольными, Цзян

Чэнъи понял: он выбрал правильных людей.

В некоторых случаях, может, и можно проявить снисхождение, когда есть возможность. Но есть вещи, которые отпускать нельзя.

Человеческую жизнь — совершенно точно нельзя.

Через два дня Цзян Чэнъи встретил в аэропорту закутанную с головы до ног Хуан Цзюэ.

Всю дорогу они почти не разговаривали: Цзян Чэнъи было лень, а Хуан Цзюэ было страшно.

Она и сама не знала, чего боится, но страх всё равно не отпускал.

Когда самолёт приземлился, Хуан Цзюэ глубоко вдохнула и дрожащим голосом сказала:

— Мои родители приехали меня встречать. Ты... ты потом поедешь с нами домой?

Цзян Чэнъи улыбнулся и покачал головой, успокаивая её:

— Расслабься. Думаю, потом мы поедем в другое место.

Хуан Цзюэ застыла. Ноги у неё мгновенно остановились, а в голове загудело.

В другое место?

В какое место?

<http://bllate.org/book/17657/1718860>